

Итак, моё беспорядочное странствие по случайным странам подходит к концу, многие из вас будут рады узнать это. Похоже, нужно поработать над своим терпением в отношении медленно развивающихся сюжетных линий, хочется поскорее перейти к действиям!

Как сказал Джон, потребовалось некоторое время, чтобы антибиотики начали действовать и бороться с инфекцией. Тем временем у Матео поднялась температура, и ребенок начал бредить, что привело к бессмысленному бреду, который Брюсу пришлось выслушивать, пока он вытирал лоб ребенка. Хотя многие сны и галлюцинации казались бессмысленными, Дурсли и их жестокое обращение всплывали довольно часто. Брюс был рад, что днем их оставляли в покое, так как ему не хотелось объяснять всю историю с Дурслями куче незнакомых людей.

К счастью, по вечерам и на ночь Матео в основном вел себя тихо, поскольку ему довольно часто удавалось проспать всю ночь. Некоторые другие врачи были не в восторге от того, что делят помещение с инфицированным, но взгляд Брюса заставил замолчать самых буйных из них. Поскольку они предполагали, что вся утварь, которой пользовался Матео, будет стерилизована, большинство врачей довольствовались тем, что просто обходили это место стороной. Никто не считал, что Брюс чем-то делится, поэтому они не задавали вопросов, что способствовало улучшению ситуации. Поскольку Другой Парень дал ему естественный иммунитет от всех ядов, болезней и заболеваний, Брюс действительно делился водой с ребенком без всякого беспокойства. У него были дела поважнее, чем скрывать тот факт, что он не может заболеть: у Матео поднималась температура, и он боролся за то, чтобы сбить температуру ребенка.

Матео не осознавал, какие волнения он вызывает между своим отцом и остальными, погрузившись в свои сны и галлюцинации.

Он шел по пшеничному полю, которое почти достигало его плеч, колосья были золотистыми и набухшими, готовыми к уборке. Посевы мягко колыхались под дуновением ветерка, которого Матео не чувствовал, а птицы кружились над головой на невидимых тепловых волнах. Изредка среди пшеницы виднелся красный мак, неуверенно высывающий голову над уровнем посевов. Он стоял на тропинке, которая, казалось, бесконечно тянулась за ним и исчезала в дымке, вызванной тепловым мерцанием над посевами.

Впереди него поле плавно поднималось вверх к дереву, одиноко стоявшему в центре пшеницы, и к нему вела тропинка, по которой шел Матео. Ребенок не узнал породу дерева, но оно было высоким, а его ветви широко раскинулись на открытом пространстве. Темно-зеленые лопастные листья покрывали каждую веточку, а среди них уже начали прорастать несколько светло-зеленых овальных семян, похожих на орехи. Большие ветви дерева отбрасывали много тени на землю внизу. В сочетании с ярким солнцем над головой Матео не мог ничего разглядеть в глубокой тени под деревом.

Невозможность чувствовать ветер вокруг себя или слышать птиц над головой не пугала ребенка, хотя он знал, что так и должно быть. Неосознанно он начал идти к дереву и его тени,

куда, как он знал, ему нужно было идти. Хотя он ничего не чувствовал вокруг, Матео осознавал, как устало и болит его тело, и обещание холодной тени и места для отдыха было очень заманчивым.

В конце концов он взобрался по невысокому, но длинному холму к дереву на вершине и различил под ним две фигуры. Но Матео, к своему удивлению, не испугался и спокойно, не торопясь, подошел к ним.

Один из них был мужчиной, а другой - женщиной, и хотя они не были похожи друг на друга, на лицах обоих было выражение любящей гордости. Женщина была ниже ростом, с красивыми рыжими волосами, которые шелковисто спадали на плечи. Ее зеленые глаза выглядели знакомо, как менее яркая версия его собственных. Она была одета в темно-синее платье, которое выглядело удобным и в то же время очень профессиональным.

Мужчина был высоким и худым, с копной беспорядочных черных волос, на которых виднелись следы борьбы за порядок. Карие глаза мужчины были закрыты толстыми очками, которые легко сидели на его носу. Он был чисто выбрит, демонстрируя сильную челюсть и высокие скулы. В соответствии с его чистым внешним видом на нем была белая рубашка под красным джемпером, который выглядел нарядно.

"Здравствуйте", - сказал он паре, зная, что с ним можно разговаривать.

"Наш дорогой, посмотри, как ты вырос", - сказала женщина, опускаясь на колени, чтобы быть ближе к его уровню.

"Я рад, что ты избежала моего ужасного зрения", - с улыбкой сказал мужчина, подражая жене.

"Д-Брюс заплатил, чтобы его починили", - поправил Матео свою терминологию, понимая, что его родители могли быть недовольны тем, что он назвал этого человека "папой" в их присутствии.

"Все в порядке, малыш, ты можешь называть его папой. Мы были очень рады, когда Брюс принял тебя и решил относиться к тебе как к своему ребенку", - сказал отец Матео, ободряюще кивнув.

"Я теперь мертв, как ты?" Матео соединил точки и с тревогой посмотрел на них.

"Вовсе нет, дорогой, ты только болен. Однако, поскольку ты без сознания и очень болен, ты близок к завесе, что позволяет нам навестить тебя. Возможно, это единственный раз, когда мы можем это сделать", - печально объяснила его мать.

Она потянулась вперед, чтобы погладить его лицо, и Матео был поражен, когда почувствовал призрачное ощущение на своей щеке. Тогда стало очевидно, что он находится в другом состоянии

по сравнению с ними, и какая-то часть его души жаждала, чтобы они были такими же, чтобы он мог как следует обнять их. Но он прильнул к призрачному ощущению и наслаждался слабым теплом, зная, что это самое близкое, что он когда-либо получит от своих родителей, пока не соединится с ними навсегда.

"Я скучаю по тебе", - честно сказал Матео.

"Мы тоже скучаем по тебе, малыш, но мы рады, что Брюс присматривает за тобой", - отец протянул руку вперед и положил ему на плечо.

"Почему ты должен был оставить меня? Почему я застрял у Дурслей?" недовольно спросил Матео.

"Сейчас это не те вопросы, когда-нибудь ты получишь ответы. Мы не можем оставаться надолго, но мы должны были дать тебе знать, что любим тебя и гордимся тобой", - вмешалась его мать.

"Брюс тоже заслужил нашу благодарность, он проделал огромную работу, вырастив тебя красивым молодым человеком", - добавил его отец.

"А тебе, мой замечательный дорогой, нужно больше верить в себя", - мать подтолкнула его подбородок, так что их зеленые глаза встретились. "У тебя такой большой потенциал и ты можешь многое дать миру, тебе просто нужно открыться и ухватиться за возможности. Игра с этими детьми - это именно то, что тебе нужно сделать, пойти на риск и встретить мир с гордостью и достоинством. В тебе столько величия, и настанет день, когда люди будут смотреть на тебя как на символ надежды. Я знаю, что когда это время придет, ты станешь великим лидером".

Матео не совсем понимал, чего пыталась добиться его мать этой ободряющей речью, но все равно улыбнулся. "Я люблю вас обоих".

"И мы тебя любим, никогда не забывай об этом", - ответил его отец за них обоих. "Как бы нам ни нравилась эта возможность, тебе пора возвращаться к Брюсу, он очень беспокоится о тебе".

Взрослые снова стояли, обхватив друг друга руками за талию. Отец жестом указал Матео вернуться на тропинку, и тот послушно начал спускаться по ней. Когда он оказался в нескольких метрах от тени дерева, он повернулся и помахал родителям рукой. Он не мог разглядеть их в подробностях, так как они были затенены деревом, но ему показалось, что он видит, как они подняли руки, чтобы помахать в ответ. После этого он повернулся лицом к тропинке и рысью пошел прочь от дерева, не оборачиваясь больше.

Брюс был на грани паники, когда у Матео поднялась температура и ребенок начал неистово биться. Он делал все возможное, чтобы успокоить ребенка, ткань на его лбу едва успевала высохнуть, как Брюс снова опускал ее в миску с водой.

Сначала бормотание ребенка было бессвязным и беспорядочным, но через некоторое время Брюс смог разобрать слова. У него все похолодело внутри, когда он понял, что его ребенок галлюцинирует о своих биологических родителях и разговаривает с ними. Сердце разрывалось, когда мальчик спрашивал, почему его оставили одного, и если бы это помогло, он бы крепко обнял его и не отпускал.

Но вместо этого он стал тихо напевать песню, которую Матео считал своей любимой колыбельной. Это была не совсем обычная песня, но Брюс напел ее, чтобы помочь ребенку успокоиться после пробуждения от кошмаров. Впервые он спел ее в Китае, и Матео она сразу понравилась, так что она часто помогала успокоить ребенка в травмирующие моменты.

"Пусть эти слова первыми найдут твой слух,

Мир стал ярче, чем солнце, теперь, когда ты здесь.

Хотя твоим глазам потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть,

к всепоглощающему свету, окружающему нас.

Потому что ты любима, ты любима больше, чем ты думаешь.

Я обязуюсь все свои дни доказывать это.

Хотя твое сердце слишком молодо, чтобы осознать,

невообразимый свет, который ты хранишь в себе.

Я отдам тебе все, что у меня есть,

Я научу тебя всему, что знаю.

Я обещаю, что буду лучше.

Я всегда буду держать тебя рядом,

Но я научусь отпускать тебя.

Обещаю, я буду лучше.

Я смягчу каждую грань,

Я буду держать мир на высоте.

И я буду лучше.

С каждым ударом сердца, которое у меня осталось,

Я буду защищать каждый твой вздох,

И я сделаю лучше".

Очень скоро после этого у Матео начался жар, и ребенок начал обильно потеть. Брюс почувствовал облегчение настолько, что ему захотелось плакать, но вместо этого он сосредоточился на том, чтобы капать ребенку воду в горло и утирать ему лоб.

К вечеру Матео стал намного спокойнее и впервые за четыре дня мирно отдыхал. Ребенок немного похудел из-за болезни и того, что не ел нормально в течение недели до того, как с ним случился удар. Брюс твердо решил, что будет следить за тем, чтобы Матео ел как можно больше, как только ему станет известно, чтобы побороть потерю.

Брюс был уверен, что у него есть промежуток, в который он может пойти размять ноги, и Матео он вряд ли понадобится, поэтому он осторожно выбрался из-под ребенка и встал. В здании уже некоторое время витал запах готовящейся пищи, поэтому он был уверен, что здесь будет свежеприготовленная еда. Он быстро, но тщательно простерилизовал руки - заболеть он не мог, но мог передать инфекцию - и только после этого направился к выходу.

Обостренное обоняние подтвердило его правоту, и блюда как раз расставлялись, чтобы врачи могли угоститься. Их собралось не так много, видимо, многие из них занимались многочисленными детьми, больными тифом, и часто проводили дополнительное время в клинике с последними пациентами. Брюсу удалось получить свою долю еды и часто пустующий угол, где он мог поесть.

<http://tl.rulate.ru/book/92386/2978242>